

По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации

Определение · № 2444-О · от 06.10.2015 · Конституционный Суд Российской Федерации · Действует без изменений

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург 6 октября 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, заслушав заключение судьи Г.А.Жилина, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" предварительное изучение жалобы гражданина В.Г.Дворяка,

у с т а н о в и л:

1. Гражданин В.Г.Дворяк, привлеченный к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного статьей 310 УК Российской Федерации и выразившегося в разглашении им при осуществлении обязанностей защитника по уголовному делу данных предварительного расследования без согласия следователя, оспаривает конституционность указанной статьи, а также следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: пункта 3 части второй статьи 38, которым следователь уполномочивается самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий; части третьей статьи 53, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке, и что за разглашение этих данных защитник несет уголовную ответственность в соответствии со статьей 310 УК Российской Федерации; статьи 161, согласно которой данные предварительного расследования не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей той же статьи (часть первая); следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения ставших им известными данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со статьей 310 УК Российской Федерации (часть вторая); данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; разглашение данных о частной жизни

участников уголовного судопроизводства без их согласия, а также данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя не допускается (часть третья).

Как следует из представленных материалов, В.Г.Дворяк, будучи предупрежден следователем об уголовной ответственности за разглашение без соответствующего разрешения данных предварительного расследования по уголовному делу и дав подписку об их неразглашении, ознакомил в своем адвокатском кабинете заинтересованных лиц, не являвшихся подзащитными по этому уголовному делу, с содержанием протоколов допросов, которые были ему предоставлены в связи с подготовкой к судебному заседанию по рассмотрению вопроса об избрании в отношении его подзащитного меры пресечения в виде содержания под стражей.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации В.Г.Дворяк утверждает, что положения пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 УПК Российской Федерации и статьи 310 УК Российской Федерации, послужившие основанием для его привлечения к уголовной ответственности, в нарушение статей 15, 19 (часть 1), 45, 48, 55 и 123 Конституции Российской Федерации и вопреки принципам правовой определенности и юридического равенства несоразмерно и без необходимости ограничили его в возможности выполнения обязанностей адвоката по оказанию юридической помощи подзащитному.

2. Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18 и 118 (часть 1), в Российской Федерации как правовом демократическом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием.

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 48, часть 1), равенство всех перед законом и судом и осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статья 19, часть 1; статья 123, часть 3), устанавливая права обвиняемых, осужденных, лиц, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (статья 49; статья 50, часть 2; статьи 52, 53 и 54), равно как и обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24, часть 2), Конституция Российской Федерации вместе с тем провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 17, часть 3; статья 21, часть 1).

Соответственно, Конституция Российской Федерации относит к числу не подлежащих ограничению право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1; статья 56, часть 3) и одновременно вводит запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), допускает возможность ограничения права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения (статья 23, часть 2) и использование лишь законных способов поиска, получения, передачи, производства и распространения информации (статья 29, часть 4).

Тем самым, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Конституция Российской Федерации не предполагает, что право каждого получать информацию, непосредственно затрагивающую его права и свободы, как и обязанность органов государственной власти и их должностных лиц предоставлять гражданину соответствующие сведения могут быть полностью исключены - напротив, при всех условиях должны соблюдаться установленные пределы

ограничения данного права, обусловленные содержанием информации (Постановление от 18 февраля 2000 года N 3-П; определения от 6 июля 2000 года N 191-О, от 19 февраля 2003 года N 78-О, от 18 декабря 2003 года N 429-О, от 7 ноября 2008 года N 1029-О-П, от 29 сентября 2011 года N 1251-О-О и др.). Из этого следует, что его реализация возможна только в порядке, установленном законом, и что федеральный законодатель правомочен определять не только законные способы получения информации, но и условия ее законного распространения, с тем чтобы обеспечить охраняемую законом тайну, защиту публичных интересов, а также превентивную защиту лиц, правам и законным интересам которых может быть причинен вред несанкционированным распространением (разглашением) информации.

Вводя в указанных целях запрет или ограничения на распространение информации, составляющей охраняемую законом тайну, федеральный законодатель правомочен также устанавливать - при безусловном соблюдении конституционных гарантий личности в этой сфере публично-правовых отношений и сохранении баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов различных категорий граждан - соответствующие меры юридической ответственности, в том числе уголовно-правовые санкции (преамбула; статья 18; статья 19, части 1 и 2; статья 49, часть 1; статья 50, часть 3; статья 54, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционные принципы равенства, справедливости и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, и прав, приобретаемых на основании закона, обязывают федерального законодателя четко определять в законе как само преступление, так и наказание за его совершение, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы - в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, - каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) (постановления от 27 мая 2003 года N 9-П, от 27 мая 2008 года N 8-П, от 13 июля 2010 года N 15-П и др.).

3. Осуществляя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовно-правовых отношений (пункты "в", "о" статьи 71 Конституции Российской Федерации), в том числе определяя в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации порядок уголовного судопроизводства, обязательный для всех его участников (часть вторая статьи 1), федеральный законодатель, исходя из назначения уголовного судопроизводства (часть первая статьи 6), а также в целях защиты публичного интереса и охраны прав личности (статьи 9 и 11) закрепил в его статье 161 требование о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и в качестве исключения из этого императивного предписания установил, что такие данные могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, причем данные о частной жизни участников уголовного судопроизводства - только с их согласия, а данные о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, с согласия его законного представителя.

Закрепление в законе указанных требований, несоблюдение которых, а именно разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в порядке, установленном частью второй той же статьи, о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание, влечет уголовную ответственность в порядке статьи 310 УК Российской Федерации, обусловлено тем, что при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел интересы правосудия, цель которого - защита прав и свобод

человека и гражданина (статья 18 Конституции Российской Федерации), предполагают сохранение в тайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить и само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Вместе с тем уголовно-процессуальный закон - исходя из требования статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации - допускает ознакомление участников уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования с процессуальными документами (материалами дела) в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы; не являющиеся участниками уголовного судопроизводства лица также вправе знакомиться с процессуальными документами, но лишь в части реализации ими права на обжалование решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, т.е. в той части, в какой эти действия и решения затрагивают их интересы (статьи 123 и 125 УПК Российской Федерации).

Таким образом, установленное статьей 161 УПК Российской Федерации правовое регулирование, как обусловленное публичными интересами предварительного расследования и необходимостью предотвращения (предупреждения) нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, не расходится с предписаниями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и не может рассматриваться как препятствующее защитнику по уголовному делу в ознакомлении с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. Не содержит статья 161 УПК Российской Федерации и положений, ограничивающих предоставленные защитнику в порядке конкретизации статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации права знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, выписывать из них сведения в любом объеме или снимать за свой счет с них копии, в том числе с помощью технических средств (пункты 2 и 10-12 части четвертой статьи 47, пункты 6 и 7 части первой статьи 53 УПК Российской Федерации), а потому не создает юридических предпосылок к отказу в праве на судебную защиту лицам (обвиняемым), чьи права нарушены незаконными действиями и решениями органов предварительного расследования.

4. Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, части 1 и 2), не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами, к числу которых относится и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 апреля 2003 года N 123-О, от 16 ноября 2006 года N 493-О, от 13 октября 2009 года N 1055-О-О, от 17 ноября 2009 года N 1427-О-О, от 23 марта 2010 года N 365-О-О и N 388-О-О и др.). Наделяя при этом гражданина правом защищать свои права и свободы всеми способами, не

запрещенными законом (статья 45, часть 2), Конституция Российской Федерации не предполагает также, что право на судебную защиту может быть реализовано незаконными средствами: как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 4 апреля 2013 года N 661-О, участники уголовного судопроизводства вправе осуществлять свои права таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц и не прибегать к не установленным или запрещенным законом способам защиты.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, закрепляя право участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц - в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, на обжалование действий (бездействия) и решений органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда в установленном данным Кодексом порядке (часть первая статьи 123), предусматривающем возможность рассмотрения соответствующих жалоб как прокурором, руководителем следственного органа, так и судом (статьи 124-125), не обуславливает предоставление им в случае необходимости данных предварительного расследования согласием либо несогласием следователя на их разглашение.

Исходя из того, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации допускает ознакомление с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства и иных лиц в той части, в какой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы, запрет на разглашение данных предварительного расследования означает, по смыслу статьи 161 УПК Российской Федерации, недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации права на обжалование решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих уголовное преследование, в той мере, в какой эти действия и решения затрагивают интересы указанных лиц, с тем чтобы реализация конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь не приводила к нарушению прав и свобод иных лиц, а значит, и к отступлению от предписаний статей 17 (часть 3), 23 и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Соответственно, несанкционированное разглашение данных предварительного расследования, хотя и предпринятое лицом в качестве инструмента своей защиты или в связи с исполнением обязанностей защитника, не исключает возможность ознакомления с данными предварительного расследования широкого круга лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, что ставит под угрозу нарушения права и законные интересы участников уголовного судопроизводства и, следовательно, в силу вытекающей из закона необходимости сохранения таких данных в тайне не может являться законным средством защиты прав подозреваемого, обвиняемого, - иное противоречило бы статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, посягало бы не только на интересы правосудия, но и на охраняемые законом права личности, умаляя ее достоинство.

5. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, для реализации права знакомиться с протоколами следственных действий и подавать на них замечания, для обеспечения возможности судебного обжалования постановлений следователя, которыми нарушаются права личности, заинтересованному лицу - в силу прямого действия статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации - должен быть предоставлен доступ к соответствующей информации; что касается формы и порядка ознакомления такого лица с необходимыми материалами, то они избираются следователем, прокурором и судом в пределах, исключающих опасность разглашения следственной тайны (определения от 14 января 2003 года N 43-О, от 18 декабря 2003 года N 429-О, от 8 июля 2004 года N 239-О, от 4 ноября 2004 года N 430-О, от 20 июня 2006 года N 231-О, от 21 декабря 2006 года N 590-О, от 20 февраля 2007 года N 146-О-О, от 23 июня 2009 года N 887-О-О и от

23 сентября 2010 года N 1128-О-О).

Применительно к защитнику, который, как и другие участники производства по уголовному делу, предупреждается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и у которого берется подписка об их неразглашении, соответствующие требования закреплены в части третьей статьи 53 УПК Российской Федерации, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, предусмотренном статьей 161 данного Кодекса; за разглашение данных предварительного расследования защитник несет ответственность по статье 310 УК Российской Федерации.

Данные предварительного расследования, как следует из взаимосвязанных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (часть первая статьи 6, пункт 3 части второй статьи 38, пункт 3 части пятой статьи 42, часть шестая статьи 44, часть третья статьи 53, пункт 2 части третьей статьи 54, пункт 3 части шестой статьи 56, пункт 5 части четвертой статьи 57, часть четвертая статьи 58, пункт 2 части четвертой статьи 59, часть четвертая статьи 60, статья 161), составляют тайну предварительного расследования - охраняемую уголовно-процессуальными и уголовными законами информацию (сведения), содержащуюся в материалах уголовного дела, разглашение (распространение) которой создает реальную или потенциальную опасность причинения ущерба расследованию по уголовному делу, нарушения прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, не являющихся его участниками.

Отнесение данных предварительного расследования к информации, составляющей тайну следствия, предполагает, как следует из Федерального закона от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", обязательность соблюдения конфиденциальности соответствующей информации, а также установление мер по ее защите, предотвращению несанкционированного доступа к такой информации и (или) передачи ее лицам, не имеющим права на ознакомление с ней, предупреждению возможности неблагоприятных последствий нарушения порядка доступа к информации (пункт 5 статьи 2, статья 5, часть 4 статьи 6, части 4 и 5 статьи 9, часть 4 статьи 16).

Указанные требования обеспечиваются, в частности, средствами Уголовного кодекса Российской Федерации, статья 310 которого предусматривает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования участником уголовного судопроизводства, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание, и рассматривает подписку о неразглашении данных предварительного расследования без соответствующего разрешения в качестве необходимого условия для определения субъекта преступления, ознакомленного с возможными уголовно-правовыми последствиями своего поведения (деяния), и привлечения его к уголовной ответственности.

Подписка о неразглашении данных предварительного расследования, которая дается участниками уголовного судопроизводства, включая защитника, предполагает принятие ими на себя ряда обязательств, включая согласие на частичные временные ограничения, связанные с возможностью предания данных предварительного расследования гласности лишь с разрешения следователя, дознавателя, что, в свою очередь, предполагает осознание участниками уголовного судопроизводства возможной ответственности за их несанкционированное разглашение. Соответственно, нарушив подписку о неразглашении данных предварительного расследования, они должны осознавать и возможность ограничения в правах и свободах, т.е. сознательно обрекать себя на подобные ограничения.

Вместе с тем решение вопроса о наличии в действиях лица признаков преступления, предусмотренного статьей 310 УК Российской Федерации, и состава этого преступления как основания для его привлечения к уголовной ответственности невозможно без учета системной связи

данной статьи как с положениями Общей части УК Российской Федерации, в том числе определяющими принципы законности, вины, справедливости, понятие преступления (статьи 3, 5, 6 и 14), так и с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающими порядок уголовного судопроизводства, права и обязанности его участников, включая положения пункта 3 части второй статьи 38 и части третьей статьи 53 данного Кодекса. По смыслу этих взаимосвязанных положений, на органы, осуществляющие уголовное преследование, и суды - в силу предписаний Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в том числе в настоящем Определении, - возлагается обязанность учитывать не только сам факт разглашения данных предварительного расследования, но и существо разглашенных данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда, с тем чтобы оценить исходя из конкретных условий времени, места и обстановки совершения деяния характер и степень его общественной опасности. Тем самым в уголовном судопроизводстве обеспечивается баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов различных категорий граждан, соблюдения которого требуют принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, и прав, приобретаемых на основании закона.

6. Таким образом, в вопросе о конституционности положений статьи 310 УК Российской Федерации, пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 УПК Российской Федерации отсутствует неопределенность, наличие которой лишало бы лицо возможности осознать противоправность своего деяния и предвидеть наступление ответственности за его совершение и которая препятствовала бы их единообразному пониманию в правоприменительной практике, а сами эти положения, предполагающие соблюдение конституционных гарантий личности в этой области публично-правовых отношений, не могут, вопреки доводам заявителя, рассматриваться как нарушающие его конституционные права в указанном аспекте.

Проверка же правильности их применения судом с учетом обстоятельств конкретного дела с участием заявителя к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", не относится. Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) и в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председатель

Конституционного Суда

Российской Федерации В.Д.Зорькин

